

БОЛЬШИЕ
NF
КНИГИ

Платон

ДИАЛОГИ

Санкт-Петербург

УДК 11
ББК 87.3(0)
П 37

Перевод с древнегреческого
Андрея Егунова («Государство»), Василия Карпова
Примечания Азы Тахо-Годи («Государство»), Романа Светлова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

© А. Н. Егунов (наследники),
перевод, 2021
© Р. В. Светлов, комментарии, 2000
© А. А. Тахо-Годи, примечания, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19884-5

АЛКІВІАД І

В диалоге участвуют:

СОКРАТ

АЛКИВИАД

Сократ. Ты удивляешься, думаю, сын Клиния, что, полюбив тебя прежде всех, я один теперь не отстаю от тебя, когда прочие уже отстали, и что, между тем как другие надоедали тебе своими беседами, я в продолжение столь многих лет не сказал тебе ни одного слова. Причина этому была не человеческая, а божественная¹, силу которой ты узнаешь впоследствии. Теперь она уже не препятствует мне; вот я и пришел, В надеясь, что препятствий не будет и впредь. Почти все это время я внимательно наблюдал, как ты держишь себя по отношению к лицам, тебя любящим. Много было их, и они отличались высокоумием, но не осталось ни одного, который не убежал бы, побежденный твоею рассудительностью. Я раскрою причину твоего презрения к ним. Тебе, говоришь, ни в ком из людей и ни для чего нет надобности; потому что богатство твое велико: всего довольно, начиная с тела и заканчивая душой. Во-первых, ты считаешь себя красивым и знатным, и всякий ясно видит, что не обманываешься. Во-вторых, ты приходишь из семейства самого храброго в своем городе², величайшем между городами эллинов; а потому со стороны отца у тебя очень много знаменитых друзей и родственников, которые, если понадобится, готовы служить тебе. В

¹ Очевидно, Сократ имеет в виду голос своего внутреннего гения. (См. об этом также: Феаг 128d, Федр 242b, Евтидем 272e.) — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания Р. В. Светлова.*

² Храбрость считалась в древности чертой людей благородного происхождения. Слово «аристократ» буквально значит «прекрасновластвующий»; этимология этого слова восходит к «аристос» — превосходной степени прилагательного «агатос», что значит «хороший, добрый».

Не менее их и не хуже они также со стороны твоей матери¹. Но, по твоему мнению, более всех упомянутых мною лиц доставляет тебе силы Перикл, сын Ксантиппа, которого твой отец назначил тебе и твоему брату в опекуны и который не только в своем отечестве, но и в целой Элладе, даже во многих и известнейших поколениях варваров, может делать все, что хочет². Я прибавил бы еще, что ты — один из богатейших людей; но в этом отношении у тебя мало самомнения. Гордясь такими преимуществами, ты одолел всех своих воздыхателей, и они, как слабейшие, подчинились твоей власти. Это тебе известно; а потому, знаю, ты и удивляешься, что за мысль у меня — не бросать своей любви, в какой надежде я остаюсь верен ей, несмотря на бегство прочих.

Алкивиад. Но может быть, тебе неизвестно, Сократ, что ты лишь чуть-чуть предупредил меня. Ведь я первый думал подойти к тебе и спросить именно об этом, то есть чего ты хочешь и с какою целью преследуешь меня, постоянно являясь везде, где бы я ни бывал. Да, для меня в самом деле удивительно, каково твое намерение, и я охотно желал бы знать об этом.

Сократ. Так, видно, ты будешь слушать меня со вниманием, если, как говоришь, желал бы знать, что у меня на уме. Пожалуй, слушай и имей терпение — все скажу.

Алкивиад. Без сомнения, буду слушать, только говори.

Сократ. Смотри же; ведь нет ничего удивительного, что насколько трудно мне начать, настолько же тяжело будет и завершить речь.

¹ Согласно античным источникам, по отцу (Клинию) род Алкивиада восходил к Аяксу Теламониду, герою Троянской войны. По материнской же линии (мать — Диномаха) Алкивиад нес в своих жилах кровь Алкмеона, предводителя легендарного похода «эпигонов» против Фив, то есть похода сыновей семи героев (Амфиарая, Адраста, Полиника и др.), некогда погибших под стенами фиванской крепости. Потомки Алкмеона, Алкмеониды, были знаменитым родом, до конца VII в. до н. э. входившим в число аристократических семейств, правящих Афинами.

² Действие этого диалога происходит ок. 434 г. до н. э., то есть еще до смерти Перикла (490–429 до н. э.), фактического главы Афин и Афинского союза. Перикл, как и мать Алкивиада — Диномаха, принадлежал к роду Алкмеонидов. Он был назначен опекуном Алкивиада по завещанию отца последнего, погибшего задолго до событий, описываемых в диалоге, в сражении с беотийцами.

Алкивиад. Говори, почтеннейший; а я уж буду слушать.

Сократ. Приходится говорить. Хотя тому, кто любит, и не легко обращаться к человеку, который не уступает людям, его любящим, однако я осмелюсь высказать свою мысль. Если бы я видел, Алкивиад, что ты доволен всем тем, о чем сейчас упомянуто мною, и намерен с этим провести свою жизнь, то давно бы, насколько знаю себя, отказался от своей любви. Но теперь я хочу раскрыть перед тобой другие твои помыслы, из чего ты поймешь, что я непрестанно наблюдал за тобою. Если бы, кажется, какой-нибудь бог сказал тебе: «Алкивиад! Хочешь ли жить, наслаждаясь тем, что имеешь, или тотчас умереть, если тебе нельзя будет получить что-либо сверх того?» — то ты, думаю, избрал бы смерть. И я скажу, на что ты теперь надеешься. Ты думаешь, что когда явишься в собрание афинского народа — а это будет через несколько дней¹, — то докажешь афинянам, что достоин почестей, какими не пользовался ни Перикл, ни кто-либо другой из мужей, когда-либо существовавших, и, доказав это, приобретешь в городе величайшую силу; приобрета же силу здесь, будешь могущественным и среди прочих эллинов; да не только у эллинов — даже у варваров, обитающих на одном с нами материке. Потом если бы тот же бог снова сказал тебе, что твоя власть должна ограничиваться только Европою, а в Азию перейти тебе будет нельзя и тамошних дел рука твоя не коснется, то ты, кажется, не захотел бы довольствоваться и этим, то есть жить без надежды наполнить, так сказать, своим именем и мощью целое человечество. Кроме Кира и Ксеркса, для тебя, думаю, нет человека, достойного внимания². Что именно такой воодушевляешься ты надеждой, это я знаю, а не просто догадываюсь. Но, сознаваясь, что я говорю правду, ты, может быть, спросишь: как же это, Сократ, относится к причине твоей неотступности, которую ты спешил было открыть мне и по кото-

¹ По достижении совершеннолетия афинские юноши обретали право голоса в городском собрании, а с двадцатилетнего возраста могли занимать какие-либо должности.

² Имеются в виду персидские цари: *Кир Древний*, основатель державы Ахеменидов (правил в 585–530 гг. до н. э.), а также *Ксеркс* (правил в 486–465 гг. до н. э.), на время жизни которого падают основные события греко-персидских войн.

рой не оставляешь меня? Скажу и это, любезный сын Клиния и Диномахи. Цели своих надежд без меня достигнуть ты не можешь: столь велико, думаю, мое влияние на тебя и на твои дела! Потому-то бог, давно уже полагаю я, и не позволял мне разговаривать с тобою, а я все ждал, пока позволит. Ведь как ты надеешься иметь великую силу в городе, доказав ему и несомненное свое достоинство, и то, что для тебя нет ничего невозможного, так и я надеюсь иметь величайшее влияние на тебя, доказав, что в отношении к тебе значу более всех, что ни опекун, ни родственник, никто, кроме меня, — лишь бы только бог помог! — не в состоянии сообщить тебе ту силу, которой ты жаждешь. Когда ты был моложе и еще не питал этой надежды, бог не позволял мне беседовать с тобою — кажется, потому, что наша беседа тогда могла бы быть напрасна; а теперь он велит, теперь ты можешь слушать меня¹.

Алкивиад. Я нахожу, Сократ, что, начав говорить, ты стал еще более странным, чем прежде, когда следовал за мною молча, хотя и в то время ты выглядел очень странно. Питаю ли я такие мысли или нет — для тебя, как видно, уже решено; и, если бы я стал отказываться, это несколько не помогло бы мне убедить тебя. Пусть так. Однако же, если бы я и был совершенно проникнут подобными мыслями, — каким же образом осуществляются они через тебя, а без тебя ничего не выйдет? Можешь ли сказать это?²

Сократ. Ты спрашиваешь так, как будто я должен произнести перед тобой длинную речь, к каким столь привычно

¹ Бог-покровитель (*греч.* — «демон») Сократа стал для платоников одной из важнейших тем для теологических и этических спекуляций. Вера Сократа в то, что его постоянно сопровождает некое божественное существо, стала одной из причин обвинений учителя Платона в измышлении новых богов. В рамках платонизма демон понимался и как вестник богов, даровавший Сократу священный гнозис, и как внутреннее, божественное начало, благодаря которому человек может восходить к мистической истине, и более традиционно — как гений-покровитель, заботящийся о всем круге человеческих рождений. В последнем случае это позволяло относить беседу Сократа и Алкивиада не только к данным их жизням, но и к ряду инкарнаций, во время которых эти души встречались друг с другом.

² Претензия Сократа заключается в том, что именно он является гением-хранителем души Алкивиада. Таким образом, диалог показывает еще один, внутренний, план: беседу Сократа с Алкивиадом можно рассматривать как беседу со своим гением, то есть как самопознание!

твое ухо¹. Нет, мое дело не таково. Думаю, единственное, что я в состоянии доказать тебе, — это свою правоту, если ты немного поможешь мне хотя бы в одном...

Алкивиад. Лишь бы тут не требовалось какой-нибудь трудной помощи, я готов.

Сократ. А трудно ли, по твоему мнению, отвечать на вопросы?

Алкивиад. Трудно.

Сократ. Отвечай же.

Алкивиад. Спрашивай.

Сократ. Но ведь я буду спрашивать тебя как человека, проникнутого именно теми мыслями, которые тебе приписаны мною. С

Алкивиад. Пожалуй, если хочешь, только бы знать, о чем будешь спрашивать.

Сократ. Хорошо. Итак, ты думаешь, говорю я, через некоторое время стать советником афинян². Но если бы в минуту твоего вступления на кафедру я взял да и спросил: «Алкивиад! Ты встаешь со своим советом, когда афиняне вознамерились открыть совещание; скажи, потому ли решаешься на это, что разумеешь дело лучше их?» Что бы ты на это ответил?

Алкивиад. Конечно, ответил бы, что разумею дело лучше их. D

Сократ. Следовательно, ты — хороший советник в том самом, что случилось тебе уразуметь?

Алкивиад. Как же иначе?

Сократ. А разумеешь ты только то, что узнал от других или открыл сам?

Алкивиад. Что же может быть, кроме этого?

¹ Речь идет о софистах, которые действительно писали длинные речи, наполненные риторическими периодами. Их дискуссии зачастую происходили не в виде диалога — этой «очной ставки» самой истины, — а по правилам разбирательства перед судом присяжных, где главное внимание уделялось убедительности и красивости речей истца и ответчика.

² Речь идет о статусе демагога, можно сказать официально признанного эксперта по политическим вопросам, которые выступали на народном собрании и порой определяли политику Афинского государства. Ирония ситуации состоит в том, что Алкивиад еще слишком молод для того, чтобы обрести статус демагога.

Сократ. Но можно ли изучить или открыть что-нибудь, не желая ни учиться от других, ни самому искать?

Алкивиад. Нельзя.

Сократ. Что ж, видно, думая, что ты нечто уже знаешь, ты захотел найти или изучить это?

Алкивиад. Совсем нет.

Сократ. А было ли время, когда того, что теперь знаешь, ты, по собственному своему убеждению, не знал?

Алкивиад. Необходимо.

Сократ. Но ведь и мне почти известно, чему ты учился; а что неизвестно — скажи. На моей памяти, ты учился грамоте, играть на цитре и искусству борьбы; флейтою же заниматься не хотел¹. Вот что ты знаешь, если только не учился еще какому-нибудь искусству, которое ускользнуло от моего внимания. Впрочем, выходя из дома, ты, думаю, не скрылся бы от меня ни днем, ни ночью.

Алкивиад. Да я и не ходил ни к каким другим учителям, кроме этих.

107 *Сократ.* Итак, если бы афиняне совещались о грамоте, каким образом писать правильно, — встал ли бы ты со своим советом?

Алкивиад. Нет, клянусь Зевсом.

Сократ. Ну а когда бы рассуждали об игре на кифаре?

Алкивиад. Никак не встал бы.

Сократ. А об искусстве борьбы, видишь ли, они не имеют обыкновения рассуждать в собраниях.

Алкивиад. Конечно.

Сократ. Так о чем же бы афинянам совещаться? Уж не о строительстве ли?

Алкивиад. И то нет.

Сократ. Ведь об этом-то строитель будет рассуждать лучше тебя.

В *Алкивиад.* Да.

Сократ. Не захочешь ли ты участвовать в собрании, когда афиняне вздумают совещаться о прорицании?

Алкивиад. Не захочу.

¹ Считалось, что игра на флейте уродует лицо — из-за необходимости напрягать и надувать щеки.

Сократ. Ибо прорицатель в этом отношении опять лучше тебя.

Алкивиад. Да.

Сократ. Даже несмотря на то, малоизвестен он или знатен, красив или безобразен, благороден или неблагороден.

Алкивиад. Как же иначе?

Сократ. Потому что совет-то о каждом предмете бывает, думаю, со стороны знающего, а не богатого.

Алкивиад. Как же иначе?

Сократ. То есть когда афиняне держат совет, каким образом сохранить здоровье граждан, для них все равно, беден советник или богат; они только ищут советника во враче.

Алкивиад. И справедливо.

Сократ. Так о чем же должны они рассуждать, чтобы, встав в качестве советника, ты встал кстати?

Алкивиад. О своих делах, Сократ.

Сократ. Например, о делах, относящихся к кораблестроению, то есть какие должны они строить корабли?

Алкивиад. Но тут я не встал бы, Сократ.

Сократ. Потому что строить корабли ты, думаю, не умеешь. Эта причина или другая?

Алкивиад. Именно эта.

Сократ. О каких же своих делах, говоришь ты, должны они рассуждать?

Алкивиад. О войне, о мире и о других общественных делах, Сократ¹.

Сократ. Не то ли разумеешь ты, что они должны совещаться, с кем заключить мир, с кем вести войну и каким образом?

Алкивиад. Да.

Сократ. А это не с теми ли, кто лучше?

Алкивиад. Да.

Сократ. И не тогда ли, когда лучше?

Алкивиад. Конечно.

¹ Алкивиад чувствует себя мудрым в целом, не обладая знанием частного (ср.: Аристотель. *Метафизика*, 982а, 9–10). Он считает, что эти вопросы требуют не инструментальных навыков и позитивных знаний, а внутреннего чувства вкуса, прирожденного его роду, — см. об этом ниже.

Сократ. И в течение такого времени, которое выгоднее?

Алкивиад. Да.

Сократ. Но если бы афиняне совещались, с кем надобно схватываться, а с кем препираться и каким образом, то ты бы посоветовал лучше или гимнаст?¹

Алкивиад. Конечно гимнаст.

Сократ. И ты можешь сказать, по какой причине гимнаст посоветовал бы, с кем схватываться, с кем нет, когда схватываться и каким образом? Спрошу так: с тем ли надобно схватываться, с кем выгоднее это сделать, или нет?

Алкивиад. С тем.

108 *Сократ.* И делать это наилучшим по возможности образом?

Алкивиад. Да, по возможности.

Сократ. И тогда, когда выгоднее?

Алкивиад. Конечно.

Сократ. А тому, кто занимается пением, не должно ли иногда сопровождать пение кифарой и мерным движением?

Алкивиад. Конечно должно.

Сократ. И не в наилучший для того момент?

Алкивиад. Да.

Сократ. И не столько ли раз, сколько требуется?

Алкивиад. Полагаю.

Сократ. Что же? Признав лучшее в том и в другом, то есть и в сопровождении песни кифарой, и в борьбе, что именно назовешь ты лучшим в игре на кифаре? Вот в борьбе лучшее, **В** говорю я, есть то, что бывает гимнастическим, а чем оно будет там, по твоему мнению?

Алкивиад. Не понимаю.

Сократ. Но попытайся подражать мне. Я уже, кажется, отвечал: тот вид, что состоит в совершенной правильности, а правильность, без сомнения, есть сообразность с искусством. Не так ли?

Алкивиад. Так.

Сократ. Не гимнастика ли здесь является искомым искусством?

Алкивиад. Чему же быть иному, как не гимнастике?

¹ Подразумеваются разные виды греческой борьбы, в одном из которых борцы должны были друг друга обхватывать за пояс, в другом же — за руки.

Сократ. Так вот я и сказал, что в борьбе лучшее — гимнастика. С

Алкивиад. Да, сказал.

Сократ. И ведь хорошо?

Алкивиад. Кажется.

Сократ. Ну, теперь скажи и ты — ведь и тебе нужно говорить хорошо, — скажи сначала, к какому искусству относится игра на кифаре, пение и мерное движение? Как вообще называется это искусство? Неужели все еще не можешь ответить?

Алкивиад. Да, не могу.

Сократ. Но попытайся так: кто те богини, которым принадлежит это искусство?

Алкивиад. Ты разумеешь Муз, Сократ? D

Сократ. Конечно. Смотри же, как по их имени называется это искусство?

Алкивиад. Мне кажется, ты говоришь о музыке?

Сократ. Точно так. Что же по отношению к музыке будет указывать на совершенство? Выше, по поводу гимнастического искусства, я уже назвал тебе правильное имя; а здесь что назовешь ты таким? Что здесь будет наилучшим?

Алкивиад. Гармоничность, кажется мне¹.

Сократ. Ты хорошо говоришь. Теперь возьми лучшее в войне и в сохранении мира: как ты назовешь это лучшее? Там, говоря о каждом деле, ты признал лучшим в одном — гармонию, в другом — гимнастику; постарайся и здесь указать на лучшее. E

Алкивиад. Но у меня как-то не получается...

Сократ. А ведь стыдно. Если бы кто-нибудь, слушая твои рассуждения и советы касательно пищи, то есть что в настоящее время и в таком-то количестве одна пища лучше другой, наконец спросил: «Что называешь ты лучшим?» Ты, даже и не выдавая себя за врача, конечно, отвечал бы, что лучшее здесь — более здоровое; отчего бы тебе не суметь ответить на вопрос о том, в чем ты выдаешь себя за знатока и касательно чего стал бы давать советы, будто человек знающий? Ведь это стыдно. Или, думаешь, нет? 109

¹ Здесь речь идет о фундаментальной черте античного понимания гармонии — о *связности* различных элементов в одном целом.

Алкивиад. Конечно стыдно.

Сократ. Вникни же и постарайся сказать, к чему клонится лучшее как при сохранении мира, так и то, с кем должно сражаться во время войны?

Алкивиад. Вникаю, но не могу придумать.

Сократ. И ты не знаешь, в чем во время войны мы обвиняем друг друга, что почитаем причиной начала военных действий и как называем эту причину?

В *Алкивиад.* Знаю. Мы находим, что нас обманывают, притесняют или лишают чего-нибудь.

Сократ. Постой же; что мы терпим в каждом из этих случаев? Постарайся сказать, что особенного происходит тут или там?

Алкивиад. Говоря об особенном тут или там, не ведешь ли ты, Сократ, речь о справедливости или несправедливости?

Сократ. Вот именно.

Алкивиад. Да, но этим одно вообще отличается от другого.

Сократ. Что ж? Против кого идти войной посоветуешь ты афинянам? Против справедливых или несправедливых?

С *Алкивиад.* Труден вопрос! Даже если кто-нибудь подумает, что нужно воевать со справедливыми, он все равно не признается в этом.

Сократ. Видимо, потому, что это против обычая.

Алкивиад. Конечно; да, кажется, и нехорошо.

Сократ. Следовательно, и твои речи будут в пользу этого — справедливости?

Алкивиад. Необходимо.

Сократ. Так не справедливейшее ли будет тем лучшим, о котором я тебя спрашивал, когда мы рассуждали, надобно ли воевать или нет, с кем воевать, а с кем нет, когда воевать и когда нет?

D *Алкивиад.* Да, кажется.

Сократ. Как же так, любезный Алкивиад? Разве ты забыл, что этого не знаешь? Или, может быть, я и не заметил, когда ты учился этому и ходил к наставнику, который научил тебя различать справедливое от несправедливого? Да кто же он? Скажи и мне, порекомендуй ему в ученики и меня.

Алкивиад. Ты шутишь, Сократ.

Сократ. Заклинаю тебя именем моего и твоего бога дружбы, которым я никогда не клянусь попусту¹: если у тебя есть такой учитель, скажи мне, кто он.

Алкивиад. Но что, если его нет? Нельзя ли тебе предположить, что справедливое и несправедливое я узнал как-нибудь иначе? E

Сократ. Можно, если ты сам открыл это.

Алкивиад. Может быть, ты полагаешь, что я не способен открыть этого?

Сократ. Наоборот, полагаю, что способен, — если искал.

Алкивиад. Может быть, ты думаешь, что я не искал?

Сократ. Пожалуй, искал бы, если бы полагал, что не знаешь.

Алкивиад. Ты думаешь, что со мной не было такого времени, когда я не знал чего-либо?

Сократ. Ты хорошо говоришь, но можешь ли указать на то время, когда ты не почитал себя знающим справедливое и несправедливое? Например, в прошедшем году испытывал ли ты себя и думал ли, что не знаешь, или не думал? Да отвечай верно, чтобы наш разговор шел не попусту². 110

Алкивиад. Думал, что знаю.

Сократ. Не было ли верно это по отношению к тебе и три, четыре, пять лет назад?

Алкивиад. Было.

Сократ. А прежде этого времени ты был еще мальчиком? Не правда ли?

Алкивиад. Да.

Сократ. Тогда-то, разумеется, ты думал, что знаешь справедливое.

Алкивиад. Отчего ты в этом уверен?

Сократ. Я часто слышал, что в детстве, играя в кости или в какую-нибудь иную игру, в школе и в других местах, ты B

¹ Сократ упоминает Зевса Филия, покровителя дружбы.

² Вся эта тема разыскания и испытания знания является характерной не только для текстов Платона, но и будет унаследована многими традициями. В частности, для скептиков сама процедура постоянного поиска-испытания станет куда важнее получения положительного (догматического) результата.

не сомневался в справедливом и несправедливом, но громко и смело говорил, что такой-то мальчик зол и несправедлив, что он обижает тебя. Не правду ли я говорю?

Алкивиад. Да что ж мне было делать, Сократ, когда меня обижали?

Сократ. А спрашивал ли бы ты, что тебе делать, если бы не знал, обижают тебя или нет?

Алкивиад. Но, клянусь Зевсом, я не просто знал, а ясно со-
С знавал, что меня обижают.

Сократ. Поэтому, будучи еще мальчиком, ты уже думал, видимо, что знаешь справедливое и несправедливое?

Алкивиад. Конечно, да и в самом деле знал.

Сократ. Когда же ты это открыл? Уж верно, не тогда, когда думал, что знаешь?

Алкивиад. Без сомнения.

Сократ. Так в какое время ты думал, что не знаешь? Смотри, найдешь ли ты такое время?

Алкивиад. Да, клянусь Зевсом, Сократ, я не могу указать на него.

Сократ. Стало быть, ты узнал это не через открытие.

Алкивиад. Очевидно, нет.

Сократ. А сейчас сказал, что и не учился знать. Если же и не открыл, и не учился, то как и откуда знаешь?

Алкивиад. Но может быть, я и неправильно отвечал тебе, что упомянутое знание сам открыл. Это случилось, вероятно,
Е так: должно быть, и я научился этому, как другие.

Сократ. Значит, мы возвращаемся к прежнему вопросу. Скажи мне: от кого научился?

Алкивиад. От народа¹.

Сократ. Не к достойным же учителям прибегаешь ты, когда ссылаешься на народ.

Алкивиад. А что? Разве он не в состоянии научить?

¹ В сущности, здесь высказан основной упрек Платона по поводу того, что в античной философской традиции называют «мнением». Появляясь от многих учителей, то есть от неосознаваемых и некритических представлений толпы, оно лишено основательности и ответственности, оно выдает случайное за необходимое и зависит от настроений настоящего момента, а не от вечных истин.

Сократ. Даже и тому, что шашечная игра и что нет; хотя это, думаю, гораздо ниже справедливого. Что, разве ты думаешь иначе?

Алкивиад. Да.

Сократ. Значит, не имея возможности научить худшему, он в состоянии преподавать лучшее?

Алкивиад. Я думаю. Да и действительно, народ в состоянии научить многому, что будет получше шашечной игры.

Сократ. Чему ж это?

111

Алкивиад. У него, например, научился я говорить по-гречески и в этом отношении не могу назвать тебе другого учителя, но чувствую себя обязанным тому самому учителю, которого ты не считаешь отличным.

Сократ. Да, почтеннейший, в этом-то народ — хороший учитель, и науку его по справедливости можно хвалить.

Алкивиад. Почему же?

Сократ. Потому что он обладает именно тем, чем должны обладать хорошие наставники.

Алкивиад. Что ты разумеешь?

Сократ. Разве не известно тебе, что люди, намеревающиеся учить чему-нибудь, должны наперед сами знать это? Или нет?

Алкивиад. Как же иначе?

B

Сократ. Но не правда ли, что знающие должны быть согласны друг с другом, а не противоречить друг другу?

Алкивиад. Да.

Сократ. А скажешь ли ты, что учителя знают то, в чем не согласны друг с другом?

Алкивиад. Конечно нет.

Сократ. Действительно, как они могли бы стать учителями в такого рода предмете?

Алкивиад. Никак.

Сократ. Что же, как ты думаешь, спорит ли народ о том, что такое камень, а что — дерево? Когда ты спрашиваешь об этом у кого-нибудь, не понимают ли они под этим одно и то же, не к тому же ли самому бегут с намерением взять камень или дерево? Не так ли и прочее в этом роде? Этот-то смысл я и вижу в твоих словах о знании греческого языка. Или не так?

C

Алкивиад. Так.

Сократ. Не в том ли, как сказано, они согласны между собою и сами с собою, будучи то частными лицами, то выступая от лица городов? Ведь не спорят же друг с другом государства, подразумевая под тем же самым один одно, другой другое.

Алкивиад. Конечно нет.

Сократ. Следовательно, тут-то они по справедливости и учителя?

D *Алкивиад.* Да.

Сократ. Итак, если бы мы вздумали сообщить кому-нибудь подобное знание, то правильно поступили бы, послав его за наукой к народу?

Алкивиад. Конечно.

Сократ. Напротив, если бы нам захотелось знать не только то, что такое люди и что такое лошади, но также то, какие из них быстры, а какие нет? Может ли народ научить этому?

Алкивиад. Нет.

E *Сократ.* Так не является ли для тебя убедительным доказательством того, что он не знает этого и является плохим учителем, то есть несогласие народа самого с собою в этом вопросе?

Алкивиад. Вполне убедительным.

Сократ. Равным образом если бы нам захотелось знать не только то, что такое люди, но и то, кто из них здоров, а кто болен: стал бы народ для нас достаточным учителем?

Алкивиад. Конечно нет.

Сократ. И не заключил ли бы ты, заметив его разногласие с самим собою, что в этом отношении он — худой учитель?

Алкивиад. Думаю, да.

112 *Сократ.* Что же теперь? Кажется ли тебе, что по отношению к справедливым и несправедливым людям и поступкам народ согласен и в целом, и по отдельности?

Алкивиад. Всего менее, Сократ, клянусь Зевсом.

Сократ. Что, в этом вопросе он спорит особенно сильно?

Алкивиад. Да и непрестанно.

Сократ. Ты, думаю, никогда не видел и не слышал, чтобы споры людей по поводу здоровых и больных доходили до схватки и взаимного убийства.

Алкивиад. Конечно нет.

Сократ. Напротив, касательно справедливого и несправедливого, ты если и не видел таких схваток, то, знаю, слышал о них — и от Гомера, и от многих других. Ведь об «Одиссее»¹ и «Илиаде»² ты слышал? В

Алкивиад. Без сомнения, Сократ.

Сократ. А эти поэмы — не о споре ли касательно справедливого и несправедливого?

Алкивиад. Да.

Сократ. Ведь там ахейцы и троянцы, а также женихи Пенелопы и Одиссей вступали в сражения и подвергались смерти именно из-за этого спора.

Алкивиад. Твоя правда. С

Сократ. Думаю, что и при Танагре причиной смертей и сражений между афинянами, лакедемонянами и беотийцами, а потом при Коронее³, где пал и отец твой Клиний, было не какое другое разногласие, кроме как по поводу справедливого и несправедливого. Не так ли?⁴

Алкивиад. Правда.

Сократ. Итак, знает ли толпа то, касательно чего разногласие доводит ее самое до крайних бедствий? D

Алкивиад. Нет, не думаю.

Сократ. И не приписываешь ли ты свое знание таким учителям, которые, по твоим же словам, сами не имеют его?

Алкивиад. Похоже, так.

Сократ. Так верно ли, что ты знаешь справедливое и несправедливое, если относительно него находишься в таком затруднении и если, как это стало ясно, ты ни у кого не учился этому и сам к этому не пришел?

¹ Весть о гибели Одиссея привела на Итаку много соискателей руки Пенелопы, каждый из которых исходил из собственных представлений о справедливости.

² Осада легендарной Трои ахейцами началась после похищения Парисом Елены, жены спартанского царя, — ради восстановления попорченной справедливости.

³ Сократ вспоминает события из истории соперничества Спарты и ее союзников с Афинами за гегемонию в Греции, предшествовавшие Пелопоннесской войне: битвы при Танагре (447 г. до н. э.) и Коронее (457 г. до н. э.).

⁴ Для Платона именно мнение обладает той разрушительной природой, которая подвигает человека на войны. Там, где убежденность подменяет знание, не может быть компромиссов, а вместе с ними и гармонии.

- Е *Алкивиад.* Да, судя по твоим словам, это невероятно.
Сократ. А замечаешь ли, Алкивиад, что ты вновь сказал нехорошо?
Алкивиад. Что такое?
Сократ. Ты говоришь: «Судя по твоим словам...»
Алкивиад. И что же? Разве не ты утверждаешь, что я ничего не знаю о справедливом и несправедливом?
Сократ. Конечно не я.
Алкивиад. Получается, я?
Сократ. Да.
Алкивиад. Как же это так?
Сократ. Узнаешь вот из чего. Если я тебя спрошу, что больше — единица или двоица, то не скажешь ли ты, что двоица?
Алкивиад. Скажу.
Сократ. Насколько больше?
Алкивиад. На единицу.
Сократ. Кто же из нас говорит, что два больше на одну единицу?
Алкивиад. Я.
Сократ. Не правда ли, что я спрашивал, а ты отвечал?
 113 *Алкивиад.* Правда.
Сократ. Так я ли говорю об этом, поскольку спрашиваю, или ты, поскольку отвечаешь?
Алкивиад. Я.
Сократ. Положим еще, что я спросил бы тебя, из каких букв складывается слово «Сократ», и ты отвечал бы мне: кто тогда говорил бы?
Алкивиад. Я.
Сократ. Ну так скажи мне одним словом: если предлагаются вопрос и ответ, то кто говорит — вопрошающий или отвечающий?
Алкивиад. Мне кажется, Сократ, что отвечающий.
 В *Сократ.* А не я ли сейчас непрерывно спрашивал тебя?
Алкивиад. Да.
Сократ. И не ты ли отвечал?
Алкивиад. Конечно.
Сократ. Что ж, кто из нас сказал все, что было сказано?
Алкивиад. Из допущенного видно, Сократ, что я.

Сократ. И не то ли было сказано, что прекрасный сын Клиния, Алквиад, не знает о справедливом и несправедливом, а думает, что знает, и готовится идти в собрание афинян с намерением подавать им советы в том, чего вовсе не знает? Не так ли было?

Алквиад. Оказывается, так.

Сократ. Стало быть, над нами, Алквиад, сбылась Еврипидова поговорка: «Ты, видно, слышал это от себя, а не от меня»¹, не я говорил, а ты; меня же напрасно обвиняешь. Впрочем, и хорошо сказано: ведь у тебя в уме, добрейший мой, в самом деле безумное предприятие — учить тому, чего не знаешь и чему не думал учиться².

Алквиад. Но я полагаю, Сократ, что афиняне и прочие эллины редко совещаются о том, что справедливо или несправедливо, ибо признают это очевидным для всякого. Оставляя подобные совещания, они исследуют, что полезнее им в делах, потому что справедливое и полезное, по моему мнению, не одно и то же. Многим и величайшие несправедливости доставляли пользу, а иным и справедливые поступки, думаю, ни к чему не послужили.

Сократ. Что ж, если справедливость и польза являются совершенно разными вещами, то опять не приписываешь ли ты себе знания того, что полезно людям и почему полезно?

Алквиад. А что же мешает, Сократ, если ты снова не спросишь меня, у кого я научился этому или каким образом открыл сам?

Сократ. Почему бы мне не спросить тебя об этом? Если слова твои несправедливы и несправедливость их можно доказать тем же способом, как доказана несправедливость прежних, то по какой причине ты думаешь, что надобно слышать какое-нибудь новое опровержение, какие-нибудь иные резо-

¹ В одной из сцен трагедии Еврипида «Ипполит» кормилица Федры впервые произносит имя возлюбленного своей подопечной именно в тот момент, когда та боялась любого упоминания о нем и отвечала на все вопросы уклончиво. Федра отвечает кормилице словами, приведенными Сократом.

² Отказ от разбора мнения и возведения его до знания Платоном неоднократно обозначается как безумие. Действительно, мнение, лишенное какой-либо рефлексии, является самым настоящим отсутствием ума, безрассудством, обуянностью некими демонами.

ны, как будто прежние походят уже на изношенное рубище, надевать которое ты более не хочешь, — пока не принесут тебе доказательств чистых, без пятен. Но, оставляя в покое твои оговорки, я все-таки спросил бы тебя, где учился ты узнавать полезное и кто твой учитель. Я соединил бы все прежние вопросы в один; и ты, очевидно, пришел бы к тому же, что и ранее: ты не был бы в состоянии доказать ни того, что сам открыл полезное, ни того, что научился узнавать его. Но поскольку тебе это уже надоело и ты без удовольствия выслушал бы ту же самую речь, то я, пожалуй, не стану задавать вопрос: знаешь ты или не знаешь, что полезно афинянам? Скажи только, сделай милость, одно и то же, на твой взгляд, справедливое и полезное или же не одно¹. Если угодно, спрашивай меня, как я спрашивал тебя, или же раскрой суть дела самостоятельно.

Алкивиад. Не знаю, Сократ, могу ли я раскрыть это самостоятельно.

Сократ. Да вообрази же, добрый человек, что я — собрание, народ. Ведь там тебе придется убеждать каждого. Не правда ли?

Алкивиад. Да.

Сократ. Так не все ли равно — убеждать людей поодиночке или вдруг многих в этом предмете, который знаешь подобно грамматике, учащему грамоте и одного и нескольких?

Алкивиад. Все верно.

Сократ. Не учит ли в той же мере и преподающий науку чисел как одного, так и многих?

Алкивиад. Да.

Сократ. И кто знает это, тот арифметик?

Алкивиад. Конечно.

Сократ. В свою очередь ты можешь убедить многих в том же, в чем можешь убедить и одного.

Алкивиад. Вероятно.

Сократ. И уж очевидно, в том, что знаешь?

Алкивиад. Да.

Сократ. И человек, вступающий в подобную беседу, отличается от народного оратора только тем, что последний убеждает толпу, а первый — одного?

¹ Особенно резко вопрос о том, полезно ли справедливое, будет ставиться Платоном в I книге диалога «Государство».

Алкивиад. Должно быть.

Сократ. Ну так теперь, если все равно, убеждать ли многих или одного, потрудись над одним мною и решишь доказать, что справедливое иногда бывает бесполезно.

Алкивиад. Ты заносчив, Сократ.

Сократ. Но именно из заносчивости я намерен уверить тебя в противоположном тому, чего ты не желаешь мне доказывать.

Алкивиад. Хорошо, говори.

Сократ. Только отвечай на вопросы.

Алкивиад. Нет, говори сам по себе.

Сократ. Как, разве тебе не хочется быть убежденным?

Алкивиад. Очень хочется.

Сократ. А не тогда ли ты бываешь убежден, когда говоришь, что это так?

Алкивиад. Кажется.

Сократ. Отвечай же; а если не послушаешь самого себя, что справедливое — полезно, другому-то не поверишь.

Алкивиад. Конечно нет, надобно отвечать; вреда, думаю, не будет¹.

Сократ. Ты настоящий прорицатель! Говори же, из дел справедливости одни, по твоему мнению, полезны, другие — нет?

Алкивиад. Да.

Сократ. Равным образом иные прекрасны, иные — нет?

Алкивиад. Как это?

Сократ. Видел ли ты, чтобы кто-нибудь совершал дело хотя и постыдное, однако справедливое?

Алкивиад. Не видел.

Сократ. Напротив, все справедливое казалось прекрасным?

Алкивиад. Да.

Сократ. А то, что прекрасно, всегда ли является добрым или иногда добрым, иногда же нет?

¹ Настойчивость Сократа вызвана, конечно, не желанием, чтобы Алкивиад как бы «программировал себя», вызывая словесным согласием некоторые изменения в своем сознании (хотя все мы знаем, насколько действенным приемом при ведении беседы является это требование). Стремление Сократа, несмотря ни на что, сохранять пространство диалога означает перенесение всей беседы в душу самого Алкивиада, превращение ее в дело его собственного самопознания.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛКИВИАД I. <i>Перевод В. Карпова</i>	5
ГОРГИЙ. <i>Перевод В. Карпова</i>	61
ФЕДОН. <i>Перевод В. Карпова</i>	167
ПИР. <i>Перевод В. Карпова</i>	251
ФЕДР. <i>Перевод В. Карпова</i>	315
ГОСУДАРСТВО. <i>Перевод А. Егунова</i>	
Книга первая	389
Книга вторая	431
Книга третья	471
Книга четвертая	520
Книга пятая	560
Книга шестая	608
Книга седьмая	648
Книга восьмая	685
Книга девятая	724
Книга десятая	758
Список сокращений («Государство»).....	797

Платон

П 37 Диалоги / Платон ; пер. с др.-греч. А. Егунова, В. Карпова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 800 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-19884-5

Платон — великий древнегреческий философ, чьи идеи оказали огромное влияние на формирование человеческого духа и культуру человеческой мысли последующих столетий. Именно с него, ученика Сократа и учителя Аристотеля, начинается формирование научного мышления в строгом смысле этого слова. Но Платон всегда рассматривался и как авторитетный мистик, пытавшийся донести до людей знание о чистом бытии и Благе. В настоящем издании читателю предлагаются избранные диалоги Платона — «Алкивиад I», «Горгий», «Федон», «Пир», «Федр», в которых рассматриваются три большие темы: природа философского знания, этическая доктрина в связи с доказательством бессмертия души и любовь как сила, обращающая личность к познанию и делающая ее богоподобной. В знаменитом диалоге «Государство» философ попытался охватить главнейшие вопросы человеческого бытия. Диалог открывается попытками определить понятие справедливости, затем мыслитель рассматривает шесть форм государственного правления — монархию, аристократию, тимократию, олигархию, демократию и тиранию — и наконец переходит к описанию идеального государства, управляемого философами, «так как только мудрые могут нести заботу о правильном образе жизни всех граждан».

УДК 11
ББК 87.3(0)

Литературно-художественное издание

ПЛАТОН
ДИАЛОГИ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.08.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 50. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-NFB-28655-01-R